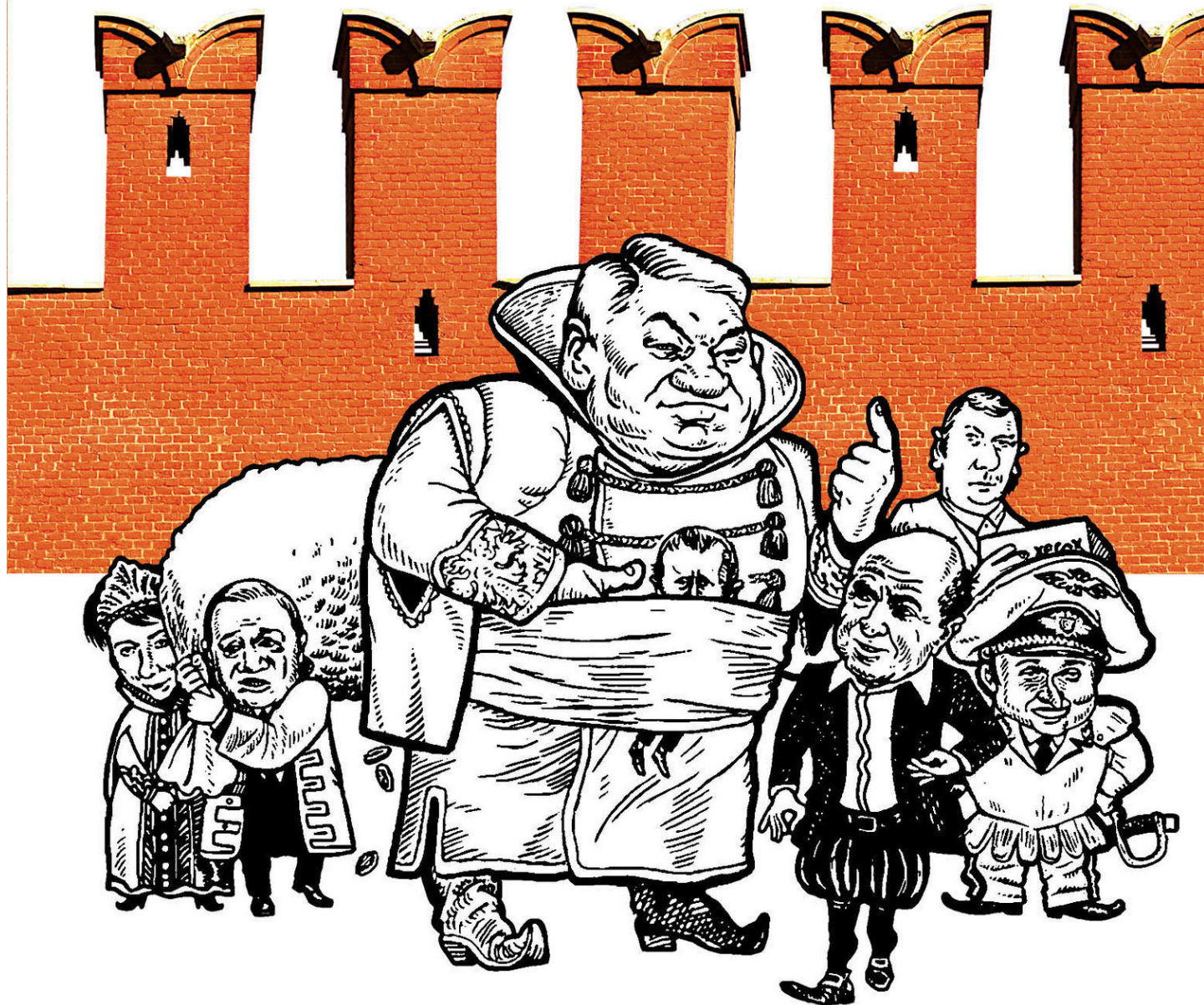

АЛЕКСАНДР КОРЖАКОВ

КРЕМЛЕВСКИЕ СКАЗЫ

От автора бестселлеров «Борис Ельцин. От рассвета до заката» и «Бесы 2.0. А цари-то ненастоящие!»

Свидетель эпохи

Александр Коржаков
Кремлевские сказы

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Коржаков А. В.

Кремлевские сказы / А. В. Коржаков — «Эксмо»,
2020 — (Свидетель эпохи)

ISBN 978-5-04-107758-7

Бывший начальник Службы безопасности Президента и автор литературных бестселлеров – о сегодняшних подвигах «героев нашего времени». Вы встретите как новые, так и давно знакомые лица из ельцинской «семьи» и круга ее приближенных. Найдете замечательные сатирические портреты, на которых легко узнаете изображенных по характерным чертам и скандальным делам. Коснетесь круга «неприкосновенных», придавших коррупции государственный масштаб. Познакомитесь с ворами и воришками всех калибров на государственной службе, делающих общее дело. Книга – награда и наслаждение для тех, кто до сих пор жалел, что «нет на них нового Салтыкова-Щедрина».

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-107758-7

© Коржаков А. В., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

От автора	8
Мед-пиво пил...	9
Купец воровской гильдии	19
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Александр Васильевич Коржаков

Кремлевские сказы

*Сказка – ложь, да в ней намек,
добрым молодцам урок.*

А. Пушкин

© Коржаков А.В., 2020

© Издание, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

**«Чем старше становится человек,
тем меньше он признает
недосказанности...»**

A handwritten signature in black ink, consisting of stylized, cursive letters followed by a long horizontal stroke.

От автора

Читатели могут меня спросить: почему я обратился к этому жанру – сказу, то есть литературно-художественному повествованию, которое характеризуется фольклорными мотивами и интонацией? Как это ни банально, но тут придется вспомнить про древнегреческого Эзопа: он не мог в своих баснях по цензурным причинам прямо указывать на пороки господ, поэтому заменил их образы животными с соответствующими характеристиками.

Те, кто наделен немалыми властными полномочиями в нашей стране, отличаются какой-то повышенной обидчивостью, проистекающей из ложного чувства собственной великой значимости. Так всегда было, а сейчас прямо-таки вендетту обещают за произнесенное правдивое слово.

Психиатры говорят, что у многих их пациентов наблюдаются бредовые представления, снижение самокритики и нетерпимость к критике, придание своей персоне непропорциональной степени важности. Вот прямо диагноз, который можно поставить всей нашей нынешней власти.

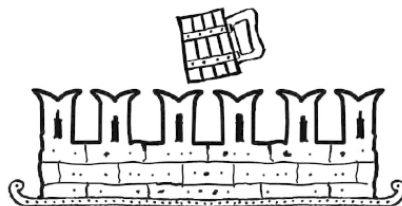
Отсюда и жанр сказа. Думаю, что каждый герой узнает себя, и надеюсь, что и читателю станет понятно, кто есть кто.

И еще: в баснях Эзопа фигурируют звери, но мы же не такие кровожадные. Поэтому не будем про Баранов и Куриц – зачем животных обижать...

Порой жизнь в некотором царстве, в некотором государстве принимает такие причудливые формы, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Впрочем, с последним можно поспорить и как раз таки описать пером – и именно в сказке – то, о чем вслух не расскажешь...

Мед-пиво пил...

Сказ о том, как монарх запил, а когда протрезвел, обнаружил себя на даче

Жил да был царь Борис. Корона ему досталась не по праву рождения в венценосной семье, а благодаря стечению обстоятельств и партийному коньяку.

...В загнивающей Европе – монархи как монархи. Рождается принц, бьют в колокола, мальчонка растет, куча педагогов, этикет, танцы, иностранные языки, приемы верховой езды и так далее. Коронация. Отец нации и помазанник правит долго и справедливо. Ну, или вообще не правит, а так – ленточки режет и речи говорит, а рулят всем тамошние бояре, подконтрольные парламентам.

Нашим же царством-государством, как известно, может и кухарка управлять, главное, чтобы умела кулаком по столу грохнуть, обмануть подданных, обогатить приятелей, «семью» и концы спрятать.

Царь Борис родом был из глубины сибирских руд и совсем не царских кровей. Тут некоторые намекают, что он на самом деле был Борух. Так вот, неправда это – происходил он из простой семьи портнихи и шабашника. Бориска решил пойти по стопам родителя, который и построил, и отсидел немало – тогда всякий уважающий себя строитель должен был срок получить не за заговор супротив власти, а за растрату вверенного кирпича и горбыля. Строить его сынок был согласен, а вот сидеть – нет, хотя по тому, что он наворочал на троне, темница с водой и черняшкой по нему рыдала.

Бориса-школьника помнят как хулигана и любителя собирать боеприпасы по тайге. Ему бы, конечно, прямой путь не на вершины власти, а в разбойники, но уж как вышло, так и вышло. Карьеру начал с того, что добился изгнания с работы своей учительницы. Потом традиции молодости продолжил он в зрелом возрасте – немало повыгонял народа, в том числе честных людей и преданных соратников.

Получил диплом о высшем образовании. В годы учебы хоть и начинал уже подбухивать, но при этом активно занимался спортом и поэтому не спился прямо по месту жительства. Не курил. Из увлечений еще девки были. Борис тренировал две женские вузовские команды по лапте и, обучая хвату биты, перелапал вдоль и поперек всех атлетов. Те, правда, были не против такой педагогики. С некоторыми особо непонятливыми спортсменками тренер-охальник предметные занятия продолжал в общежитии.

Во глубине свердловских руд Борис горлом и напором (кличка у него была Бульдозер) сделал карьеру знатного строителя. А затем решил податься в политики – говорят, поспорил на ящик коньяка, что станет партийным пустоболом. И стал им, потому что мог легко с трибуны ввернуть профессиональное строительное словечко: «Едрит тебя в котлован!», «Захрясли, суки!», «Всех законопачу!» и тому подобное.

Такие несомненные таланты и способности не могли остаться незамеченными, и Бориса отправили на повышение в столицу. Он прошел там много ступеней карьеры бюрократа, научился не материться прилюдно, носить хорошие костюмы и импортные ботинки.

В стольный град он приехал с бабой своей. Надо сказать, что жены начальников, приехавшие в Первопрестольную с периферии, казне урона наносили едва ли не больше, чем хапуги-мужья. Когда Борис еще был начинающим бюрократом на Урале, его жена Штанина ничем не отличалась от провинциальных жен мелких начальников. Жарила «фирменные» котлеты, штопала носки и никуда не лезла. Как только будущий царь начал подниматься по карьерным ступенькам, Штанина автоматически начала смотреть на соседей по лестничной площадке как на лохов. Это такая в нашем царстве-государстве традиция, синдром под названием «евонная баба», то есть баба Самого. Пока он никто, она тоже пустое место. Но как только он выбивается в люди, баба начинает всем вокруг доказывать, что и она должна быть владычицей морскою.

К Борисовой семье в столице приставили специального дьяка, задачей которого было угождать хозяйке, чтобы Штанина ни в чем нужды не знала. Пока глава семейства заседал в строительных приказах, дьяк носился по столице в поисках то окорока или рыбы особой, которую восхотела Штанина, то чулок заморских, то сундуков инкрустированных. А еще дьяк отвечал за подачу телег для членов семьи, за баню, дымоходы, самогонные аппараты и массу других вещей, призванных облегчить быт боярина с домочадцами.

Угодить семье было нелегко. Избалованные они все были – ни в сказке сказать, ни пером описать, даром что недавно из Мухосранска приехали. Даже еще больше избалованные, чем местная знать: та издревле тут сидит, а понаехавшие из портков выпрыгивают, чтобы показать, что и они лаптем щи хлебать не собираются.

Едет однажды Штанина в телеге и вдруг говорит притулившемуся на облучке дьяку:

– А что этот мерин мне прямо под светлые очи гадит? Что за неуважение к голубым кровям? Запретить!..

Дьяк, бедолага, три дня и три ночи думал, как эту хотелку реализовать. И придумал: сшили для мерина специальный говносорбник, который сбруей к животине прилаживался. И та справляла нужду в пути, не раздражая очей и носа боярской бабы падающим на дорогу навозом. Штанина этим изобретением дьяка страшно возгордилась, будто сама придумала, и давай звать подруг со всей Москвы на осмотр инновации.

Подруги были ей под стать. Себя считали элитными кобылами, но не по особым человеческим качествам и образованию, а по месту в иерархии. Не трудились в жизни ни дня. Жилье класса люкс в обеих столицах, дачи в заповедных уголках, бесплатное обслуживание и лучшие санатории – так царским режимом оплачивалась верность служилого боярства.

Штанина по натуре была баба злобная и алчная, но до поры до времени это скрывала умело, изображая дурочку-простушку. А когда Борис на повышение пошел, так она с цепи сорвалась: набивала шкафы тряпьем, дачу отделала вулканической лавой с острова Пасхи и прочими излишествами страдала. Борис во хмелю ее вразумлял – надает, бывало, по мордасам, так она румянами синяки замажет, очки типа «кот Базилио» нацепит и снова во все тяжкие. Младшая дочка Смутьяна ее подзуживала: мамуля, держись, будет и на нашей улице праздник.

Вельможным семьям ежемесячно выдавали из казны круглую сумму на коньяк, осетрину и булавки. Отчитываться, на что потрачено, не требовали, хоть остров покупай. Борис не лез в эти заморочки, деньгами целиком и полностью распоряжалась Штанина. У главы семейства была на всякий случай заначка в платяном шкафу среди трусов, но он туда так редко залезал, что позабыл, где она находится. Баба со всем своим таежным пылом дорвалась до халявы – спецкобылы со спецтелегами, спецпродукты со спецбаз, спецлечение в спецбольницах, спецобслуживание на спецдачах, спецзалы на спецрейсах. Но там все за копейки было для слуг народа, бояре же не холопы, чтобы за полную стоимость питаться и обслуживаться.

Поэтому Штанина очень страдала: денег было так много, что ее провинциальной фантазии не хватало на их разбазаривание – вроде швыряет туда-сюда, а котлета из ассигнаций все равно тоньше не становится. Именно тогда она взялась коллекционировать драгоценности. Это по примеру европейских монарших особ.

Дело пошло веселее, и вот уже Борис, решивший как-то подарить любовнице – референту – югославский мебельный гарнитур и полезший для этого в официальную семейную кубышку, лишних рублей там не обнаружил. Штанина всю наличность угрохала на жемчужное ожерелье, в котором графиня Селедкина в XVIII веке щеголяла на девичнике, устроенном Екатериной II по случаю смены фаворита. Борис мог Штанине и в глаз заехать, но тут был другой случай, и денег на мебель профурсетке он занял (без отдачи, ясное дело) в кассе дворца.

А однажды Штанина, когда семейство отдыхало на южной даче, это ожерелье посеяла. Ну, перебрала наливки, и, когда плясала на столе посреди молочных поросят и шучьих голов, застежка ожерелья, видимо, раскрылась. Нигде нет драгоценной вещицы. Штанина, протрезвев, подняла на ноги всю стражу. Те раздели догола поваров, девок-горничных и лакеев – не нашли. Расческой прочесали лужайку у дома – нет ожерелья. Разобрали нужник, и выгребную яму выгребли – безрезультатно.

Борис Штанину отчитал:

– Дура ты, баба, нет головы – считай, калека. Это ожерелье стоило, как цементный завод!

Штанина за словом в карман не полезла:

– А сам-то кто! Сидишь тут, перегаром воняешь, одна критика от тебя! Нет бы жену успокоить: мол, не парься, дорогая, вернемся в столицу – еще лучше вещь тебе справим, чтоб жемчужины покрупнее. Одни цементные заводы на уме, прораб неотесанный!..

* * *

Сам того не ожидая, Борис стал популярен в народе. Он уже был главным боярином Москвы, когда слава о нем пошла гулять среди холопов и мещан.

Началось все случайно. Борис любил огненную воду хлебать прямо в телеге по дороге из дома в рабочие хоромы и обратно. И вот достал он четверть, выдернул тряпичную затычку зубами, отпил и вдруг почувал, что его сейчас пронесет. «Штанина, стерва, осетрину не положила на ночь в погреб, а утром мне подсунула», – думал Борис, забегаая в подворотню и снимая портки.

Оборвав все лопухи, он выбрался на улицу с чувством выполненного долга и решил заглянуть в ближайшую лавку за корой дуба, чтобы закрепить результат.

Оглядев прилавок, он подумал, что одной корой сыт не будешь, закусывать чем-то надо, и говорит приказчику:

– Настрогай-ка мне сала и огурцов соленых пару дай...

Тот бухнулся в ноги:

– Не вели казнить, боярин, сало это – от хряка, который своей смертью подох. Возьми лучше лосиной губы, и «завтрак туриста» вот свежайший есть, утром завезли...

Достал Борис лопатник, вытащил пачку ассигнаций, а сколько их дать надобно – забыл уже, ему же все на дом привозят, и в лавке он в последний раз был еще отроком, когда пиво покупал. Так и шлепнул всю пачку на прилавок. Приказчика чуть кондратий не хватил. Выскочил он из лавки и побежал по улице всем рассказывать, какой боярин Борис душка – дал денег, на которые можно всю лавку купить и еще останется.

Так и пошла о нем слава гулять: дескать, прям как есть – отец родной, ходит инкогнито по лавкам, раздает деньги и гнобит алчных торговцев, которые тухлятину народу продают.

Тут поднялась буча в партийной Думе: «Борис, ты неправ», – сказали ему бояре и выперли отовсюду. Мол, негоже с суконным рылом в калашный ряд соваться. Слишком народу

полюбился. Так еще население возомнит невесть что, будто в Думе уже не сакральные вельможи сидят, а мужичье, перед которым можно не стоять на коленках.

Пустился Борис во все тяжкие, запил горькую и пошел по бабам. Докобелировался до того, что его сбросили с моста. Дело было так. После встречи с холопскими массами в Раменках Борис решил поехать не домой, а в одну деревню к другу. И зачем-то спьяну взял с собой подаренный ему холопами большой букет. Сейчас-то не удивишь тем, что бородатые мужики своим столь же бородатым друзьям сердечным цветы дарят. А тогда нравы были суровые, домостроевские, сермяжные – с цветами только по бабам ходили, чтобы быстрее в койку завалить. Так что боярина, крадущегося в ночи с букетом, скорее всего, приняли за ходока, соблазнившего местную солдатку Клавдию.

Как он потом рассказывал, рядом остановилась телега, четверо татей упаковали его в мешок, раскатали и скинули с моста. Повествуя об этом, Борис впадал в раж от душераздирающих подробностей – дескать, зубами в воде прогрыз мешок и плыл, как раненый сом, в ночи к далекому берегу...

Правда, глубины тот ручей был по это самое, и до берега метров пять всего. Но это не важно. Главное, что героический Борис сам себе понравился. Набевшая на крики стража отпоила страдальца ядреным самогоном и отвезла домой. Что он рассказывал Штанине – неведомо, но наверняка там уже была банда, которая хотела его прикончить в отместку за самодержавие, православие и народность, а он половину убил, а другую в полон взял. Но про букет, который при нем был, ничего бабе своей не сказал, это деталь второстепенная.

Обычай и нравы у нас такие, что чем больше прессует кого-то власть, тем больше его в народе любят. «У нас плохого в ссылку не отправят», – сказали одному известному ссыльному писателю в далекой деревне и поили его три дня. Вот и Бориса, замордованного тогдашним царским двором, население начало обожествлять: богатырь, зажавшимся вельможам спуску не дает, у богатых отнимает, бедным раздает.

Тут случилась заваруха при дворе – царя бояре выперли, ну и народ буквально на руках занес на трон Бориса, в надежде на то, что уж он-то облегчит жизнь простолудинов и замирит Кавказ – там одна маленькая, но гордая республика как раз объявила о своей независимости.

Никто горцам был не указ: ни новый царь Борис, ни армия его, ни полиция с тайной стражей. Горцы вольготно чувствовали себя на просторах Руси-матушки – грабили купцов, а то и вообще накладывали лапу на целые мануфактуры, города и веси и тянули с них деньги. Благо всегда находились и находятся россияне, готовые за зеленый рубль продать не только золотой прииск, но и мать родную. Да и горцев все боялись, ибо у тех разговор был короткий: чуть что не по ним – секир-башка в лучшем случае, а в худшем – угонят в рабство, и будешь кирпичи класть до морковкиного заговенья.

А армия пребывала в таком состоянии, что ее саму надо было в чувство приводить. Сидит в штабе какой-нибудь полковник, а на складах – его кум. Полковник за мзду бумаги выправляет, а горцы со склада оружие получают, которым наших же солдатушек, бравых ребятушек завтра убивают. А командование знай себе перед народом приплясывает: «Да мы их одним левым флангом, да что там – одним полком за два дня к ногтю прижмем».

Да вот только наши потери исчислялись полками, а горстке горцев ничего не делалось.

* * *

С началом царствования Бориса приободрилось не только население, но и вельможное жулье, кинувшееся растаскивать собственность империи – заводы, газеты, пароходы. У этих-то свой резон был: дескать, этому царю налей стакан, спой панегирик, дай денег дочке с зятем и тащи, что плохо лежит. Абрам Борисович Борзовский так и сказал в тесном кругу:

– Господа, наше время пришло. Народ думает, что Борис – это Робин Гуд. Пусть думает. Только наша задача – выстроить схему так, чтобы у бедных отнимали, а богатым раздавали...

Так все и вышло. Дорвавшийся до трона Борис мотался по заграницам, охотам, бильярдным и баням, а жулики-вельможи страну растаскивали. Как мусор по весне из-под снега, на свет божий повылезло множество молодых людей со взором горящим. Горел он оттого, что можно стало что-то отжать у народа. Мальчики эти были главным образом дети, любовники/любовницы, родня и приятели по сауне старой номенклатуры.

Приходит такой дрищ в имущественный приказ, а там сидит его коллега по похабному ночному клубу.

– Привет, милый. Я слышал, завод космических аппаратов приватизируется. Можно поучаствовать? Хочу двигать космос. Твой интерес учтем.

– Да у тебя диплом по романо-германской филологии!

– А какая разница? Заправлены в планшеты наличные и карты. Иду к знакомому банкиру, да ты его помнишь – Пупсик. Беру у него миллион зелени, ты продаешь мне контрольный пакет, проходит год, и мы толкаем стратегический завод иностранному инвестору уже за сто лямов. Профит!

– Моя доля?

– Не обижу. Оформляй, противный...

Предполагалось, что якобы имущество империи раскупят рядовые граждане, чтобы рачительно хозяйствовать и двигать экономику. Но фабрики, нефтяные промыслы, пароходства и мануфактуры прилипли к влажным ладошкам подсуетившихся «своих людей» и пацанов с куполами под малиновым кафтаном. Они и стали новыми хозяевами, раздербанившими за копейки все сладкие куски.

Народу раздали красивые бумажки с вензелями – чеки, но хватало их не на пакет акций или на двух мерингов, а на один раз выпить и закусить. Что большинство и сделало.

Главный жулик по фамилии Дубайс был доволен. Царь Борис соображал в экономике на уровне хрюка, роющегося в цитрусовых, и Дубайсу в нежной компании с принцессой Смутьяной, понукавшей папой, не составило труда внушить самодержцу, что страна сделает невиданный рывок. Уже совсем скоро все подданные будут в шоколаде, нужно только устроить им шоковую терапию.

Дескать, заводы все убыточные, а новые хозяева работу наладят, и в казну прольется золотой дождь. Но те начали с того, ради чего все и затевалось: работников – на улицу, станки – на металлолом, строения – под торговлю. Накупили себе теремов, телег и прочих символов доморощенной аристократии. А внутренний продукт в стране в результате царских указов рухнул на треть – больше, чем во время мировых войн.

В книжке, написанной для царя Бориса придворным лизоблюдом, биографом-летописцем по фамилии Парашев, сказано прямо: страну продали за бесценок, но больше никто за нее и не давал!

Короче, имущества толкнули на сто подвод с рублями, а в казну поступило раз в тысячу меньше.

За копейки, в числе прочего, ушли заводы, снабжавшие цареву войско техникой и вооружениями. В прежнюю пору не только на колесах да гусеницах самоходные машины производили, но также крылатые, винтокрылые и много других. Это теперь за бугром по большей части их покупают. Потому как всякое сложное дело у наших сиволапых частников-бандюков, царевых слуг да вражеских засланцев разваливалось – у кого по недоразумению, у кого по намерению. Если что попроще – чугуний лить, – то получалось, бывало. Весь крылатый металл отдали лить доселе не известному прощельге Дерibasову – понятно, что не за красивую фамилию. Лил он, лил, а как приперло, тут же к заморским купцам в ножки повалился: нету, говорит, сил без вас управляться, владейте сами хозяйством моим.

Кодла числом-то небольшая – все царские прихвостни и их приближенные, но почти 9 из 10 рублей, что из распрекрасных наших недр изымаются, захватила. И больше половины всех финансов царства загребла.

А чего бояться: статья конвенции, по которой чиновники отвечают за расходы, превышающие их официальные доходы, в царстве-государстве не действует.

Распродали 145 тысяч заводов и фабрик, народу не досталось ничего. Уволенные работники голодали, на улицах опять появились беспризорники и проститутки. Крестьяне последнюю репу без соли доедали, по стране насчитали, что 17 тысяч деревень опустело.

Царю вельможи жаловались на экономический беспредел. С Урала гонца прислали: «Государь, «Уралмаш» с 34 тысячами душ всего за три ляма зеленых рублей ушел, а Челябинский тракторный с 54 тысячами душ – за два ляма!» Но помазанник приказал гонца выпороть, а уральцам так ответил:

– Вы смерды есть, исполнители, пешки и окурки под ногами! Не смей мешать грабить, то есть оптимизировать экономику империи ради торжества справедливости и всеобщего блага! Еще раз гонца пришлете – велю его на кол посадить...

Почти два десятка военных заводов прибрала к рукам лишь одна только фирма заокеанских заклятых друзей. С ними царь вообще задружился не на шутку. Аэропланы с делегациями сновали туда-сюда через океан безостановочно. Там ведь известные коммерсанты сидят – своего не упустят, раз пошла на Руси такая пьянка, возглавил которую царь.

* * *

Самодержец наш в логово свободного мира, за океан, тоже зачастил. Тамошний президент его привечал со всей душой, пока его клеветы, не будь дураками, в нашем царстве шустирили, подбирая все, что плохо лежало. Царь Борис президента сильно веселил – постоянно в дупель пьяный и счастливый оттого, что с ним на равных разговаривают (этим комплексом младшего брата вообще все наши монархи страдают).

Царь насчет водки был без царя в голове: любил бухнуть широко, безбашенно, а за рубежом совсем отвязывался. Там это в диковинку, и на монарха нашего смотрели, как на дрессированного медведя, которому прикола ради поднесли ведро медовухи. А тот и рад стараться: еще пуще дурачился.

Злые языки говорят, что однажды царь в ходе заокеанского визита почему-то оказался возле президентской резиденции в одних трусах и пытался поймать такси – ему приспичило съездить за пиццей на закуску. Монарха, конечно, за границей стражники охраняли, но он норовил от них сбежать, чтобы поискать на свою задницу заморских приключений. Однажды, рассказали тамошние политики, наш царь предложил ихнему президенту встретиться на подводной лодке. Зачем? Да кто его знает. Оригинально, наверное, на глубине бутылочку Jack Daniels раздавить. «По местам наливать! Бороться за живучесть до последнего стакана!»

Штанина в ходе этих заморских вояжей, конечно, венценосного мужа шпыняла исподтишка:

– Все-то ты в трудах, все в трудах, зараза! Хватит жрать, тебе на переговоры идти, протокольная твоя рожа!

Но что толку, не на того напала:

– Молчи, баба, коли не разбираешься в государевых делах! Вся мировая дипломатия под сто граммов делается!..

Хотя какие там граммы – лил в горло литрами, сто граммов ему было что слону дробина.

Штанина отбирала себе стражников таких, чтобы наушничали и докладывали ей, сколько царь изволил «откушать» и не собирается ли догнаться. Да куда там – разве уследишь... Царь

навострился остаканиваться так, что самые элитные стражники не успевали заметить, как и где помазанник смог приложиться.

У самодержца утро начиналось бодро: сперва, как порядочный, ел овсяную кашку, пил слабенький чаек – крепкий для желудка не полезен. Но здорового образа жизни хватало ненадолго: если не хряпнет рюмашку по дороге на цареву службу, по приезде в хоромы сразу вызывает дворецкого: «Несите ланч, бездельники!» И зовет начальника стражи для компании – тот, страдалец, едва с печенью не расстался от такой службы. Традиционный ланч царя – стопка водки, яичница из двух яиц и бутерброд с черной икрой. Потом то же самое в обед, ну и перед отъездом в покой.

В отпуске, на отдыхе ничего не менялось. Правда, там распоряжалась всем Штанина, она норовила подsunуть благоверному ассортимент легких напитков, но возможности испортить отдых он ей не давал и все равно улучал момент, чтобы хлебнуть огненной воды – стража по-мужски выручала, наливала самодержцу по-тихому за углом.

Врачи однажды неосторожно сказали Борису, когда у того сердце прихватило, что ему бы нужно воздержаться от крепкого, а коли неумоготу как охота, так пить шампанское. Тот рад стараться: все чуланы во дворце заполнились коробками с шипучим вином от лягушатников. Оно ведь какое: чтобы русского человека пробрало, несколько бутылок потребно выпить. Царь и хлебал его коробками, как сельтерскую в жаркую погоду.

* * *

Прибыл однажды к царю Борису с визитом глава братской страны по прозвищу Паханок. Хитрый мужик, от сохи: вроде как с почтением, а всегда разводит наших царей на деньги и вообще добивается того, что ему нужно. Картоха, братаны, интеграция – и вот уже получил очередной безвозвратный кредит. Умеет разговаривать, короче. Но тут и он сплеховал.

Сели они, наш царь и Паханок, в зимне-летнем саду. Борис ему и говорит:

– Я, Паханок, за ум взялся. Что лекари приказали, то и выполняю. Вот сказали они мне с водки на шипучку перейти – я под козырек, я ж понимаю, что такое дисциплина. Тут у меня есть несколько коробок, давай освежимся для красоты разговора. Ну, чего ты стакан суешь, ты «Бульбаш» свой стаканами пей, а для шипучки у меня вот кубок есть, за спорт в молодости даденный...

Через пару часов из сада выскакивает Паханок – потный, волосенки по лысине разбросаны, глаза вытаращил, приплясывает и шепчет на ухо начальнику стражи:

– Брат, выручай, лопну сейчас от газировки этой, днище вырвет! Отвлеки его, а я огородами уйду!..

Здоровье у царя-батюшки, когда-то лошадиное, от жизни такой закономерно пришло в упадок. От избытка шампанского мотор еще пуще барахлить стал. Борис все чаще оставался дома. Анекдот даже появился: «Сегодня самодержец опять весь день работал с документами. Он еще раз пересмотрел свой паспорт, военный билет и свидетельство о рождении».

Пришел к нему как-то генерал Суков по кремлевскому прозвищу Пиночет – он тайной службой командовал. Решили накатить – а что еще делать, как разговоры разговаривать? Выпили и обсудили вопрос изготовления двойника Бориса: каждый уважающий себя монарх должен его иметь, не везде же самому ездить и на трибунах стоять.

Царь, рывнув шампанским газом, поинтересовался:

– Нормальный хоть малый – тот, который я?

Пиночет замялся:

– Двойника уже почти сделали, ваше величество, воспитали в своем коллективе. Остались небольшие штрихи – пару пальцев отрубить и научить его рычать «штааа...». Но он пока сопротивляется.

– Пообещайте ему пенсион, приравненный к ветерану Халхин-Гола, – икнул государь. – Гордился бы, а он выкобенивается...

Шампанское слабо помогало. Но тут царю накануне бабки-приживалки нашептали, что при проблемах с сердцем в Европах пьют ликер после обеда. Ну, надо так надо. Повелел он принести сорокаградусный сладкий напиток. И на двоих с Пиночетом они уговорили два литра апельсинового ликера. От такой дозы у любого гейропейца все слипнется, но нашего так просто не возьмешь. Не слиплось. А вот сердце величества чуть не отказало.

Самодержца обнаружили ночью лежащим в отключке в туалете. Лекари придворные в крови обнаружили запредельный уровень сахара. И на фоне этого приключились у помазанника страшный понос и первый инфаркт. Но даже лежа на больничной койке, Борис умудрялся тайно выпивать: не давали пропасть соратники и родная Штанина. Так, один известный придворный шут принес монарху том произведений какого-то классика: с виду обычная книга, но внутри – полость для бутылки. Так и шаркал царь по больничному люксу с этой книжкой под мышкой. А все думали: вот ведь как шандарахнуло нашего батюшку – читает, как тургеневская барышня.

Эскулапы сказали: отъездился ты, государь, по жарким странам, теперь можешь работать с документами только в средней полосе. Дач у Бориса было, как у дурака махорки. Но прибалтийская отвалилась вместе с Прибалтикой, а крымская – с Крымом. В Сочи – жара и солнце. Осталась дача в Карелии, где царь за все время дня три провел, и загородные резиденции в Подмоскowie. Это имения в сотни десятин, дома в тысячи квадратных метров с конюшнями, бассейнами, кортами, бильярдными и пр.

Вот и поправлял самодержец здоровье среди берез и сосен. Теннис без фанатизма, кино-домино, семейные посиделки. Но такая растительная жизнь ему быстро наскучила. Борис послал на три буквы придворного лекаря и пустился во все монархические тяжкие. Он ездил на охоту, где с придворными пил и ел за десятерых, словно наверстывая упущенное, парился в сауне с бабами и пивом, ради пиара плясал на эстраде стадиона.

Приехал однажды в гости к своему начальнику стражи в деревню Творогово. Места чудесные, заповедные: лес вокруг, как из русской сказки, грибы, ягоды, рыбалка. Но ничего этого царю всея Руси было не надобно: мало ли в царстве грибных лесов. А надобно было ему знамо что. Полезли в баню мужики. Попарились, ну а после, как водится, ключница поставила на стол запотевший графин смирновской, грузди соленые, огурчики малосольные, селедочку волжскую с лучком и душистым маслом, картошечку разварную.

Между первой и второй перерывчик небольшой, повторенье – мать ученья. «Матрена, неси еще графин», ну и так далее, каждый поймет, что было потом... Проснулся самодержец на рассвете в сарае, выплюнул сено изо рта, побрел к столу. Нашел недопитый графин, опохмелился от души под грибочки, и – разуделось царское плечо. Поймал холопа, велел запрячь двуколку и погнал с гиканьем и матами по деревенской дороге. Куры, гуси – врассыпную из-под колес. А мужик какой-то не успел. Сбила его двуколка.

Монарха окоротили, споймали и снова спать уложили. А мужика отвезли на лечение. Но толку чуть. Помаялся бедолага по лазаретам и приказал долго жить. Со всех свидетелей взяли страшную клятву молчания. А Борис быстро забыл о твороговском происшествии: мало ли холопов в царстве, бабы еще нарожают.

* * *

Ожидаемым результатом разудалого образа жизни стал еще пяток инфарктов. И превратился царь Борис из громилы, строевого гренадера, в одутловатого, страдающего одышкой капрала – завскладом, с трудом шаркающего между штабелями ящиков с тушенкой. Вслед за мышцами в упадок пришел и мозг. Самодержец впал в детство, обижался на всех и никому

не верил, кроме дочери Смутьяны и нескольких жуликов, снующих у трона, – постельничих и камергеров во главе с Дубайсом и борзописцем Парашевым. Те, пользуясь растительным состоянием монарха, подсовывали ему на подпись шкурные указы, благодаря которым набивали свои карманы в фантастических объемах. Борис мог подмахнуть указ, отдающий за здорово живешь хоть Кемскую волость, хоть обоз денег на Москва-Сити.

Народ начинал роптать: мол, не для того мы поддерживали Бориса и сажали его на трон, чтобы он бухал, позоря страну, и обогащал дочку Смутьяну с ее фаворитами и олигофрендами, а подданные сидели на одной картошке, выращенной на своих шести сотках.

Особо ретивые умышляли царя свергнуть и отправить выращивать огурцы на даче, а будет противодействовать – прикончить. В армии зрел бунт, заговорщики штаб создали из высших действующих офицеров и влиятельных отставников. Бунтовщики умышляли посадить на трон взамен Бориса прогрессивного и патриотически настроенного монарха. Но поскольку и заговоры у нас в Отечестве особенные, после планирования дело зашло в тупик. Впрочем, в одном из губернских городов бунтовщики успели изготовить тачанки для атаки на оплот самодержавия – Кремль. Но они так и остались невостребованными, а потом их прибрали к рукам цыгане, чтобы перевозить ворованный металл.

Борис ничего этого не знал, ибо нормальную стражу давно разогнал (не вписалась в воровской коллектив), а новые были из самодеятельности театральной, к тому же нечистыми на руку. Не столько заботились о безопасности государя, сколько решали свои узкочастные коммерческие задачи.

А царь чем дальше, тем чуднее становился. Как стареющая светская львица, готовая целое состояние вложить в сохранение своего товарного вида, Борис на склоне лет решил поддержать себя путем подсадки в организм клеток человеческого эмбриона. О такой возможности последний и новейший придворный лекарь случайно проговорился. Эту операцию мог только один медик империи сделать, но он, узнав, что пациент – Сам, заартачился. Дескать, пойдя что не так – шкуру спустят, и пойдут прахом мечты о своей счастливой старости в имении под Клином.

Куда там, и не таких ломали. Жизнь, если и не вечная, то очень долгая, – мечта любого правителя. И вот уже медик с ужасом в душе вводит в кремлевской больнице Борису омолаживающий эликсир. Организм взбунтовался от чужеродных клеток, монарх чуть ласты не склеил, но все же оклемался. Более того, хоть небольшой, но эффект от инъекции был: у Бориса отросли сиськи и одновременно разгладились морщины на лице. «Нормальный ход, – сказал он себе. – По пляжам я не ходок, а морду подданные пусть гладкую видят».

* * *

Долго ли, коротко ли сказка сказывается, но все ж таки отправили Бориса на монархическую пенсию. Оставили в пользование один из дворцов с огромной усадьбой возле столицы. Новый царь, провожая предшественника под дряблые руки до кремлевского крыльца, увещевал:

– Борис, ты – один из нас, голубая кровь, хоть и проспиртованная. Мы тебя никогда не забудем. Нам нужны твой опыт и знания. Если чего надобно – обращайся, все сделаем в сей момент...

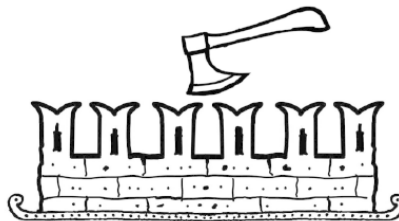
Борис расчувствовался и облобызал сменщика в лысину – тот ростом был ему под мышку: – Береги царство!..

Надо ли говорить, сбитый летчик, персональный пенсионер царского значения Борис, новой власти на хрен не нужен стал. Не раз и не два пытался он связаться с царским двором, но безрезультатно. А загородный дворец Бориса, где экс-монарх сидел на завалинке, на всякий случай оцепили соглядатами – мало ли чего старцу в голову взбредет.

Штанина варила ему по утрам овсянку, садовник по традиции исподтишка, чтобы супруга не спалила, наливал Борису сто граммов, а он пускал старческую слезу, вспоминая, как дирижировал оркестром, исполнявшим «Калинку-малинку»...

Как только преставился Борис, Штанина с Блединой понаставили по всему царству музеев имени папы на казенные средства, а сколько к рукам при этом прилипло – и не сосчитать. В музеи те никто не ходит, если только из-под палки казенных мужиков и крепостных не загонят. Да что там смотреть – портянки покойного царя, кубок для шампанского, копии указов и прочая мишура. Борис небось в гробу переворачивается. Мало умереть царю – надо еще, чтобы баба и наследники не опозорили потом. Такая вот мораль сего сказа...

Купец воровской гильдии

Сказ о тех, кто себя элитой называет (а на самом деле – сволочь, только при больших деньгах)

Жили-были дед да баба. Дед сидел у корыта госбюджета, а баба при нем тыл обеспечивала – по избе хлопотала. К корыту ее, вопреки фольклору, не допускали. И до такой степени дед насосался денег из казны, что просто руководителем госкорпорации уже мало ему было называться. И захотел он превратиться в олигарха для солидности.

Баба руками замахала:

– Окстись, окаянный! Олигархи – это купцы, которые торгуют, богомерзким предпринимательством зарабатывают. А тебе этого нельзя, ты на должности.

Дед встал, поглядел на себя в зеркало, выписал бабе затрещину и молвил:

– Понимала бы что, толкушка. Во-первых, я тоже торгую – родиной. Во-вторых, олигарх – это не род занятий, это призвание и образ жизни...

* * *

Абрам Борисович Борзовский был жуликом самой высокой – государственной – квалификации. Сумел он не только наворовать полный чулан денег, но и своего царя на трон посадить, чтобы тот охранял заветный чулан от народа. Но это будет потом, а в старые времена начинал Борзовский обычным инженером в НИИ – был рядовым Абрамом, про жадность которого в курилке рассказывали анекдоты и которого из-за пятого пункта не пускали ни в партию, ни за границу.

Но был талантлив, чертяка, по части математики. Разработал алгоритм, чтобы ничего не делать целый месяц, а в конце премию получить за эффективность. Математика заметили, и он пошел на повышение в Академию наук. Там тоже преуспел: в командировки не ездил, а командировочные получал.

Когда в царстве-государстве все начало сыпаться и разваливаться, разрешили частную собственность и извлечение нетрудовых доходов. Борзовский сразу учуял ветер перемен, который пах несусветными бабками. И организовал контору по продаже легковых телег: с ними в стране всегда была беда – хоть делались коряво и стоили дорого, но очередь – на полжизни. Абрам рассудил: главное для нашего человека – надежда на телегу, а если она есть, можно и потерпеть.

И контора Борзовского такую надежду давала: надо было заплатить Абраму денег, ну а он достанет гражданину заветную тачку. Потом как-нибудь. Если получится. С надеющимися на лучшее лохами у нас никогда проблем не было, и бумажник Борзовского очень быстро распух до гигантских размеров, как печень алкоголика.

Первое, что сделал разбогатевший Абрам, – естественно, озаботился путями бегства и получил гражданство исторической родины. Но и здесь, в царстве-государстве, дела перли в гору. Он подружился с придворным летописцем царя Парашевым. Тот как раз закончил создание задолжительных «Записок монарха». Абрам пообещал денег на издание богатой книжки с картинками (хотя, ясное дело, не только своих не дал, но еще и чужие украл). И таким образом влез в доверие к тогдашнему царю.

Абрам зачастил в царские палаты – искал возможность присосаться к казне, что в государстве нашем всегда было самым прибыльным занятием и венцом карьеры любого проходимца. И самым безопасным: лошадь со двора сведешь – в тюрьму пойдешь, а пару заводов продашь – в Монако в казино поедешь. Вон надьсь бабу, мать десятерых детей, в СИЗО посадили за покушение на мошенничество в размере 20 тысяч, а одновременно начальник конторы, которая космодром строила, за воровство 400 миллионов получил условный срок.

Так вот, Борзовский распивал мед да пиво в Царском клубе и вербовал себе агентов, чтобы помогли засунуть волосатую руку в царскую кошелю. Молва о нем шла нехорошая: как только он появлялся в коридоре дворца, все быстро прятали плюшки со столов – Абрам славился тем, что съедал все, что на виду было. А что ж вы хотели, не на свои же ему харчеваться.

Чтобы спокойно воровать, надо мозг народу загадить, поэтому Борзовский влез в идеологический приказ, да и деньги там немалые крутились. Ну а в нефтяные дела как было не залезть ему – это же почетно, недра присваивать, вон сколько бояр на этом кормятся. Построил себе Абрам отдельную трубу и качал с нее деньги в карман.

Не всем нравился Борзовский, и его даже взорвать пытались, но погиб, как водится, не Абрам, а его прислуга. В свою очередь, и сам он вынашивал замыслы под врагов мешок с порохом подложить. Сидел в чулане у себя и списки составлял: этих – на кол, тех – в Сибирь. На этой почве познакомился и с генералом Гусем – страшным на вид, но управляемым. Так и образовалась странная парочка: тихо бормочущий Абрам с бегающими глазками и гогочущий Гусь с кулаками, как Абрамова голова. На какой только союз не пойдешь ради места под солнцем...

Поучаствовал Абрам и в замирении беспокойного южного народа. Ну, какое тут участие могло еще быть: деньги из казны раздавал влиятельным тамошним кланам, причем им доставалось меньше, чем самому раздатчику. Горцы – народ гордый, и если бы они тогда поняли, что какой-то Абрам их примитивно разводит, кончил бы он плохо.

Борисыч был настолько влиятелен, что мог на корню пресечь деятельность целых правоохранительных структур, если они угрожали его интересам. Вот создали в тайной службе Управление по разработке и пресечению деятельности преступных организаций – чтобы с такими жуками, как Борзовский, бороться. Но УРПО это продержалось недолго: оно так рьяно взялось выполнять свои задачи, что Абрам, используя какие-то свои хитрые рычаги, продал его ликвидацию. Еще немного, и опера вышли бы на финансовые истоки теплой дружбы Борзовского с мятежными горцами.

Но хоть и был Абрам талантливым вором-государственником, все же не на ту лошадь поставил. В один прекрасный день решил Борзовский, что воровать сподручнее, если царь имеется свой. Царская крыша – это вам не бандиты с района на тонированной телеге. «Вот бы такого пацана найти, чтобы на троне сидел, а я к нему вечером в покои на рюмку виски заглядывал и задачи на следующий день ставил», – мечтал Абрам. И нашел такого во второй столице – не чуждого абрамовской идее о том, что мы должны всем активам наши гордые дать имена.

Преемник на троне начал с того, с чего начинают все помазанники, – с уничтожения влиятельных царедворцев из прежнего состава. Тут друзей не бывает: красные пришли – грабят, белые приходят – тоже грабят. Попал как кур в ошип и Абрам Борзовский – едва ноги унес. Осел за рубежом в королевстве, откуда писал покаянные письма: дескать, простите, урки дорогие, за кандидатуру нового царя, виноват, недоглядел, вернее, не разглядел за овечьей

шкурой волка. Братва-то, может, и простила, да только не царский двор. Кто же за спиной оставляет такого хитро выкрученного математика, который в курсе, откуда есть пошло новое начальство...

Отправился как-то Абрам в ванную комнату душ принять, а там – ниндзя в звании майора, который подвесил математика на полотенце и исчез в ночи. Так и решили, что Абрам сам полотенце на шею закрутил. Хотя все, кто его знал, в курсе: он собирался всех пережить, и на самое ценное – на себя самого – расхититель плюшек и нефти руку поднять никак бы не смог.

* * *

Говорят, ради того, чтобы Борзовского из страны выжить, немало постарался его заклятый коллега Дубайс по прозвищу Рыжий – идеолог отъема страны у граждан, люто ненавидимый за это, но тем не менее живущий и здравствующий назло всему трудовому народу.

Дубайс – классный оратор, практически фюрер, этого не отнять, и когда он ездил по ушам населению, обещая каждому долю в отечественной экономике, ему верили, как верят жители села цыгану, обещающему не воровать коней и честно трудиться. Все понимали, что кидает, но не могли понять, как именно.

Как и целая плеяда жуликов и бандитов, закрепившаяся при дворе, вышел он из Северной столицы. Был замом председателя тамошнего курултая, который возглавлял тогда Собакевич – видный народоволец, болтун, бабник и подпольный миллионер. У нас часто бывает: чем незауряднее вор, тем выше должность. Вот и Дубайса, учтя его трудовые успехи по растаскиванию по карманам богатств Северной столицы, назначили в царское правительство. Одновременно пустили козла в огород, доверив ему реформу казны.

Хотя козлом он не только в огороде был: валял по койкам во дворце замужнюю царскую дочь Смутьяну (что потом вышла замуж за Парашева). Впрочем, дочка ничего против рыжего жулика в койке не имела, и тот наловчился через нее влиять на выпивающего батюшку-царя при решении шкурных вопросов.

Валяются они на парчовых покрывалах, жмакает он ее отвислую сиську и шепчет на ухо:

– Свет моих очей, а скажи-ка папе, что сибирские изумрудные копи надо отдать патриоту Магомеду, он лучше справится, чем Иван-дурак.

– А Магомед этот что забыл в Сибири?

– Да ты что, там у них филиал Кавказа!

– А нас не кинет?

– Все равно, душа моя. Десять процентов и пара изумрудиков ежеквартально тебе на шейку...

Так они и жили: спали как бы врозь, а деньги были.

Один юродивый, дорвавшийся до трибуны, обещал тогда гражданам: «Каждой бабе – по мужику!» Дубайс не так романтичен, он – конченный прагматик, поэтому посулил подданным: «Каждому мужику – по две телеги!» В результате и по одной-то получили единицы, сумевшие накопить денег, а большинству той доли богатства страны хватило только на пару пузырей спирта «Рояль». Зато Дубайс, распродавший страну нужным людям за копейки, стал едва ли не самым богатым чиновником, летал на собственном аэроплане и жрал устриц из городу Парижу.

И немудрено: оценивается, к примеру, завод в 10 подвод золота, а Дубайс его инвестору за две подводы продает, но еще две подводы при этом к нему во двор заезжают или прямо в Датское королевство. И все в шоколаде, кроме холопов.

Но как только царю-батюшке стало припекать задницу, он Дубайса принародно отстранил. В царстве случилась радость превеликая по этому поводу, но Рыжему того и надо было: довольно усмехаясь, он уселся в кресло главного электрика – там еще было что украсть. Первым делом разрулил он финансовые потоки так, что они растеклись по разным лужам, кото-

рыми владели Дубайсовы подельники. А затем и вообще продал всю царскую электрику в частные руки – монарху, ушедшему в очередной запой, было уже все равно.

Потом активный деятель Дубайс взялся руководить странной конторой всяких наномелочей. Но не просто так, а ради очень больших бабок. Контора – государственная, в том смысле, что убытки государство гасит, а прибыли, которых никто не видел, Дубайсу и его банде отходят.

Замыслили они построить завод по производству микрорезинок для трусов. Шуму было – жуть сколько. По телевизору показывали заморских богатеев, жаждущих вложиться в завод, и счастливых баб, рассказывающих, что без таких резинок трусы на коленки сползают, никакого житья, и спасибо Дубайсу за понимание нужд простого электората. Стали проектировать завод. Год проектируют, пять... А денежки из казны капают, и их все больше надо. Миллиард, два, двадцать...

В итоге осилили пробную партию продукции, но вот только резинки получились не микро, а как вожжи для кобылы – трусы такие не носят со времен турецкой войны. И так было со всеми проектами, которые эта контора себе придумывала. А Рыжему все нипочем – знай себе по швейцарским форумам ездит да лекции читает про гвозди в крышку гроба коммунизма.

А все почему? Да потому, говорят злые языки, что царь нынешний своих не сдает. А Дубайс ему родной прям человек: в одном городе в партию вступали и вместе из нее выпиливались, когда переобуваться пора пришла. Вот и оказался Рыжий живет всех живых, как их с царем бывший вождь, который в Мавзолее прописался.

* * *

Неплохо устроились и другие видные купцы.

Цветметом заведует миллиардер Дерибасов. Наложил в свое время лапу на народное достояние, за бесценок скупив (не на свои причем) стратегические рудники. Талант, с какой стороны ни глянь. Правда, как-то в компании с видным правительственным деятелем с говорящей фамилией Заходько он засветился с шалавой – отдыхали вместе на яхте. Ну, так это вообще ни о чем, смех, а не проступок, за это у нас награждают, а не наказывают. Основная претензия к ним была такая: они что, не могли двух приличных проституток на борт взять, а не одну на двоих, да еще и болтливую? Разве на этом экономят мужи, мыслящие в государственных масштабах?

Шалава та оказалась не по годам матерой. Как скандал поднялся, так она заявила принародно:

– Люди добрые, у меня на бересте все ходы записаны: как, в каких позах и по сколько раз эти топы меня обижали. Ну, насчет «сколько раз», не особо обижали, – хихикнула девка, – хорошо, если по одному. Но в остальном – жуткие извращения, и я все расскажу, что запомнила, когда трезвой была...

У Дерибасова – переговоры, послы заморские, контракты, в которые и государев интерес заложен, а тут шалава какая-то под ногами путается! Дедовские методы (бритвой по горлу – и в колодец) не применишь, ибо огласка пошла бы на всю Ивановскую. Короче, Дерибасовы помощники по тайным делам поймали паскуду, дали ей мешок нанояхонтов и предупредили: еще раз поганый рот раскроешь – в бочке с цементом тебя замаринуем и в сусанинских болотах утопим.

Главный по яйцам в царстве – Трусельберг. Тоже, конечно, себе на уме гражданин, хоть и прикидывается патриотом. Заметим: не по куриным яйцам он дока, а по драгоценным – из золота и серебра, украшенным жемчугами и камнями. Такая вот фишка с яйцами у Трусельберга. (Говорят, это как-то с Фрейдом связано: может, свои в детстве отморозил, может, еще какой глюк.) Как только в мире где-нибудь выставляют на продажу яйца с бриллиантами, так

Трусельберг тут как тут и их выкупает: два – себе, одно – в царскую казну. Так что это только с виду он дурачок с яйцами в корзине, а на самом деле под эту лавочку никто его не трогает, и он спокойно ворует себе на казенном хозяйстве.

А вот придворный повар Отхожин – тот с настоящими яйцами всю жизнь колотился, но – при царской кухне, поэтому и преуспел. Но это уже после тюрьмы, куда не раз сходил по молодости за гоп-стоп.

Отхожин из кожи лез, чтобы царская требуха стряпней довольна была. Простонародных блюд, понятное дело, на монаршем столе не водилось. Повар запекал утку в гусе, а гуся – в поросенке. Осетрину с хреном подавал, яйцо, фаршированное икоркой, наливки из лесных ягод, медовые коврижки и протчая. Короче, потакал чревоугодию престола, как мог.

И был замечен: отдал царь Отхожину на откуп кормление войска. Вот тут он и развернулся... Знамо дело, рекрут – не вельможа, сожрет, что дадут – похлебку из свиного рыла, кашу из кочерыжек и квас из свекольной ботвы. Деньги на пропитание служивых из казны идут немалые, а поди проверь, чем там в дальнем гарнизоне солдатики намедни харчевались – пловом или крапивой, собачьим кормом или кошачьим.

Так же со школярами: детвора тоже питается, особо не задумываясь, главное – побыстрее прожевать и побегать на перемене. Отхожину отошло кормление учебных заведений в столице и других городах. Скандалы начались сразу: то червяков в каше найдут, то шурупы в макаронах, то гниль какую. Но Отхожина так просто не возьмешь: дал родителям денег, чтоб не возмущались, прошел через все суды и еще больше подрядов на кормление нахапал.

Вот и забросил поварской колпак Отхожин, купил себе три аэроплана и яхту, дворец в виде батона колбасы построил и вставил платиновый зуб. Продолжая семейное дело, залез в Африку, чтобы у аборигенов алмазы на макароны и карамель выменивать. Несогласных его костоломы в саванне в расход пускали. А еще отдал свою телегу слоновьей костью и в свободное от кормления лохов время катается с толстыми кухарками по окрестностям, распевая непотребные песни под гармошку. А чего? Заслужил.

* * *

Ну а самый богатый русский купец нынче – узбекский британец по фамилии Душманов: голова – груша, брежневские брови, хитрые глазки-пуговицы и три подбородка. Биография самая простая по нынешним временам: отсидев за хитрожопую комсомольскую коммерцию, сопряженную с изнасилованием, вьюноша поднялся на табаке, металле и газе, а затем подался в финансисты. И пошло-поехало: футбольный клуб в собственности (ясное дело, не отечественный), шахты и металлокомбинаты, пара центральных газет и прочие ништяки. Как и всякий уважающий себя патриот, налоги со своих бизнесов Душманов платит не в России и живет по большей части где-то там между Монако и Лозанной.

Но главная тайна Душманова (которая и не тайна вовсе) – участие в устройстве личной жизни больших вельмож и царя. Они ведь несчастные люди по этой части. Простой подданный и живет просто. Захотелось большой и чистой любви – пошел в парк или в кабак, познакомился с бабой, привел домой, налил водки, нарезал колбасы и давай о творчестве Стаса Михайлова беседы беседовать, нащупывая застёжку бюстгальтера. Царь или большой боярин пойти в народ и снять бабу не может – это одна из больших издержек их образа жизни.

Больше всего с этим делом не везет у нас царям. Ильич I сожительствовал со шваброй, бредившей идеями пролетарского интернационализма, и к своей боевой подруге он мог обратиться только за тем, чтобы законспектировать что-то. Про свой пол она, кажется, позабыла, и вождь благоразумно не напоминал ей ни о чем таком, находя понимание у цюрихских путан.

Иосиф II вроде поначалу хотел, как все смертные, – чтоб жена, домашний уют и прочие семейные ценности. Но логика классовой борьбы оказалась сильнее, и монарх всех своих баб сжил со света, оставшись на склоне лет с генералом Классиком, который и скрашивал его досуг.

У Никиты III и Леонида IV жены были, но такие, что хорошо смотрелись бы не рядом с тронном, а в бухгалтерии колхоза «100 лет без урожая», и цари их стыдились, показывая свету только в протокольные моменты, когда деваться некуда. Затем были гонки на лафетах (про участников уже мало кто помнит, не говоря уж о царицах), а вот у царя Горбыля баба огонь была. Подданные, особенно женского пола, ее люто ненавидели за то, что носила туфли, костюмы и сумочки от лучших модных домов. Горбыль прослыл подкаблучником, а когда так случается, ничего хорошего с хозяйством не будет, и царство развалилось.

Занявший трон в скукожившемся государстве царь Борис бабу свою тоже разбаловал донельзя. Точь-в-точь старуха из сказки о золотой рыбке: ей палец в рот положи, так она вообще все откусит, до чего дотянется. И не доставишь такой бабе материально-технического удовольствия никогда.

Так вот, возвращаясь к Душманову: он был всегда готов подсобить особо важным персонам в решении полового вопроса. Ведь как ни крути, а если у вельможи перед глазами стоит не план по сбору податей, а женская задница, проку от него не жди. Душмановская жена имела в ведении целый коллектив девок, которые вроде и не крепостные были, но их кормили, поили и на разные народные скоморошья шоу возили для увеселения публики. И были те девки подневольными, Душманиха ими распоряжалась, как своей дворней.

Как соберется боярская Дума чего-нибудь подумать или принцы заморские приедут, так вставал вопрос досуга. Ну, в лапту персоны поиграют, охотой на медведя их позабавят, в бане попарят – а все равно мало для души. Тут и подходил черед девок от Душманова. Уж они и на гусях сыграют, и былинку споют, и спляшут. Ну и, конечно, в опочивальню проводят, ерепениться не станут.

А тут как раз царь-государь свою жинку разогнал. Вышла первая пара перед народом и сказала: мы давно уже порознь, монарх с орлами летает, в пучине морской плавает и драконов преследует по миру, а супружница дома у окна изнывает, разве это семейная жизнь? Сказали так, по рукам ударили и разошлись: ему – царство, ей – свобода выбора.

Поскольку монарх еще скипетр на гвоздь не повесил, ему тоже баба потребна. И Душманов подсуелся: «Царь-государь, дозволю слово молвить. Ты у нас еще мужчина хоть куда, поэтому холостяком тебе нельзя. Есть на примете проверенная девка – лицом кругла, не болтлива и ноги выше головы драть может – одни плюсы у ей». Девка царю глянулась. На площади об этом глашатай не объявлял, стали они тайно жить-поживать да валюты наживать. И царевичи пошли – прячут их где-то в замке, чтобы подданных не злить.

Ну а Душманов после этого в гору пошел. Был мелкий тать, а стал крупный купец, мошну набил так, что весь двор с ним считается. И любые его замыслы по части профита получают зеленый свет. Расцвел бизнес Душманова по поставке дров в столицу – его «Дуб-холдинг» в приоритете, все другие подводы с поленьями специальные люди на въезде в город разворачивают или прямо там сжигать заставляют. Или вот еще задумал он царскую печать ставить на всю продукцию, имеющую хождение в государстве – на каждую бутылку самогона, каждый горшок и каждую пару лаптей. Затрат – копейки, а с поставщиков дерут за это рубль. Короче, чтоб мы так жили, как Душманов. Хотя лучше не надо: это он крученный, как пеньковый канат, а любого другого уже давно бы в острог отправили.

* * *

Но все же самые вкусные куски власти и денег царства сосредоточены в столице. Туда стремятся жулики со всей страны. Столицей заведует генерал-губернатор Собакин (они с питерским Собакевичем просто однокоренные однофамильцы).

Начинал трудовую биографию Собакин шаманом в тундре – мозги коренному населению выносил. Затем переключился на керосин, который разбавлял оленьей мочой. Царь там тоже в доле был (правда, тогда еще не царь, а так – седьмая вода на дворцовом киселе, мелкий стрелец на подхвате). Но мощну многие на этом набили и заслуги Собакина не забыли: перекинули на столицу. Одно дело – тундра, хоть и богатый край, но Тмутаракань, и совсем другое – столица, где крутятся все барыши царства.

Собакин сказал: «Прошли времена, когда тут пчеловоды в кепках бесчинствовали, теперь все будет иначе, отныне главное – это забота о жителях». Жители очень быстро впали в изумление от такой заботы о них. Понаехавший в стольный град глубинный народ сноровисто содрал с улиц весь дубовый настил мостовых – крепкий еще, служить и служить! В город потянулись подводы с элитной сибирской лиственницей: брали ее собакинцы в тайге за пять копеек, а из казны гребли пять рублей. Настелили прямо в грязь, и следующей весной, знамо дело, вся эта деревянная лепота погрузилась в говна. Это ж надо все сначала!

Собакинские приказчики вышли к народу и сказали:

– Это из-за вас казус такой! Вы, нищербоды, ходить не умеете, шкрябаете лаптями по благородной лиственнице, вот она и вспучилась, а где не вспучилась – утонула. Сызнова все сделаем, готовьтесь подати платить...

И выложили мостовую уже не деревом, а уральским мрамором за сто рублей аршин (на самом деле полтина). Но никогда такого не было, и вот опять! Мраморная мостовая тоже скособочилась. Народ спотыкается, а приказчики потные ладошки трут – менять надобно. И длится сей мартышкин труд много лет, горожане привыкли уже ходить криво между ямами. А приказчики себе дворцов понастроили, баб в соболя нарядили, а дочек – в жемчуга и на водах отдыхают по три раза в год.

Сам Собакин осторожничает, носит кургузый полушубок и изображает из себя разночинца. Но всякий знает, что из каждого присутственного места, харчевни или богадельни торчат уши его приказчиков и доверенных людей. С миру по нитке – Собакину новые активы. Кстати, как водится у бояр, как только в столицу перебрался, он завел себе новую бабу. Из тундры выписал. Говорит, Дракова (такая, уж извиняйте, у нее фамилия) для дела ему надобна. Народ по привычке шапку ломает, но про себя усмехается – знаем, дескать, вашу скрепу: чем выше пост, тем новее баба.

Дракова – заслуженная канцелярская крыса, поднаторевшая в боярских домах интриговать да выпытывать тайны, которые и докладывает своему шефу. Всю столицу опутала сетью своих доносчиков, и если где какая крамола умышляется – ну, например, несогласованный боярский сын или дочь в Думу лезут, – Дракова тут как тут, под корень изведет самозванцев. Салтычиха натуральная, только в платье от Диора.

Кстати сказать, Собакин хоть на нее и тратится, но у нее и самой копейка трудовая всегда имеется. Ну, хотя бы за счет обеспечения доступа к телу Собакина. Приходит купчишко какой-нибудь, из Сызрани понаехавший, в городскую управу и говорит: хочу лабаз поставить и коноплей торговать. Ему говорят: к Собакину ты на козе не подъедешь, иди, мил человек, к Драковой – она подмогнет печать на челобитной получить. Прихватит с собой купчишко дюжину соболей да золотишка пригоршню, задобрит Дракову, она в опочивальне шепнет на ухо Собакину, и вот уже сызранский торгаш столичным стал.

Собакин ей как-то сказал:

– Вот ты баба ушлая! Я меньше на мостовых зарабатываю, чем ты на мне.

Баба за словом в карман не полезла:

– Ну не все ж тебе на мне ездить...

Короче, как сказал еще один Собакевич (книжный) в беседе с Чичиковым, «я их знаю всех: это все мошенники, весь город там такой: мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет».

Однажды поезд со столичными мошенниками отправился на Север. Все овраги вокруг столицы забиты отходами жизнедеятельности под завязку, и собакинские эффективные мусорщики придумали ход: грузить помойку в вагоны и по железной дороге отправлять к поморам – там, в первозданной тайге, еще много складок местности, не видевших хорошей свалки бытовых отходов.

Вонючий поезд прибыл на станцию назначения, а там – толпа мрачных мужиков-поморов с дубьем и вилами. По бородатым физиономиям хозяев гости поняли, что душевного приема не будет.

Главный помойный менеджер в модном туристическом прикиде влез на теплушку с мусором и вскричал фальцетом:

– Мужики! Что невеселые такие?

– Тамбовский волк тебе мужик, – сдержанно ответили поморы. – Вали взад и говно свое забирай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.